Какаши посмотрел на мужчину. Он не был похож на человека с фотографии. Мужчина на картинке выглядел моложе, не намного, но достаточно, чтобы это было заметно. Человек на картинке, во всей его истерии и маниакальной энергии, был ужасно живым. А вот этот человек, стоящий перед ним на коленях...

Кожа, натянутая на кости. Ничего, кроме кожи и костей. На лице и одежде Какаши виднелись многочисленные высыпания, вызванные несоблюдением правил гигиены. Этот человек... плен оставил на его теле жестокие шрамы. Линии страдания глубоко врезались в его лицо. И голод. Это был человек, которого годами тщательно морили голодом, едва поддерживая жизнь. Если на фотографии он выглядел осунувшимся, то здесь он выглядел впалым. Впалые щеки, впалые глаза. В них, несомненно, был страх, но не было энергии, не было борьбы. Какаши ожидал нападения раньше, а когда оно произошло, рассчитывал, что оно продлится дольше, что это будет хотя бы достойная попытка покушения на его жизнь. Сириус Блэк предположительно убил тринадцать человек и помог убить ещё двоих. Он помогал в попытке убийства младенца, но одна только мысль о том, чтобы задушить Какаши, показалась ему настолько ужасной, что он тут же сдался.

Он был добрым, подумал Какаши. Лохматый был добрым псом. Жаждавший ласки. Он пытался его рассмешить.

Это откровение многое объясняло. Ум, поведение, недоедание, страх перед ошейником, страх всякий раз, когда разговор заходил о сбежавшем преступнике. Он не совсем понимал, как ему это удалось - ведь это превращение не было связано с известными ему дзюцу и чакрой. Он лишь мельком взглянул на нее своим Шаринганом, когда собака еще спала и превращалась в человека... Но если отбросить все эти формальности, Какаши теперь понимал все гораздо лучше.

Однако кое-что не сходилось... В этом человеке не было энергии убийцы. Какаши встречал в своей жизни немало убийц. Были различия между бессердечным убийцей-садистом, дотошным ассасином, хладнокровным убийцей или солдатом войны. Какаши встречал их всех, но этот человек не походил ни на одного из них.

Лохматый был ласковым! Ласковым псом! Неужели этот человек будет другим?

Какаши схватился за запястья, вцепившиеся в рубашку. Он чуть потянул, но Сириус отпустил его, словно обжегшись.

«Прости, - прошептал мужчина, опускаясь на землю.

Какаши почувствовал грубую кожу, рубцы и старые шрамы на запястьях, где манатки, должно быть, годами впивались в его кожу. Он отпустил их. Мужчина машинально притянул его руки к себе. Затем, не говоря ни слова, он начал судорожно возиться с повязкой, которую все еще носил на шее. У него были проблемы с узлом. В конце концов, он развязал его. Он поднял глаза и протянул Какаши кусок ткани.

«Прости», - повторил Сириус Блэк. «Думаю, ты хочешь вернуть его». Какаши молча взял его.

В глазах Блэка не было слез, но его голос дрожал на пересохших губах.

Неудивительно, подумал Какаши, что неделя собачьих порций не слишком помогла этому человеку справиться с голодом. Под ним было человеческое тело. А он пытался накормить взрослого высокого мужчину досыта порциями, рассчитанными на больную собаку.

«Как вам это удается?» - с любопытством спросил он.

Мужчина вопросительно поднял голову.

«Как ты превращаешься в собаку?» уточнил Какаши.

**

Азкабан. Он знал, что вернется в Азкабан. Он мог бы сбежать сейчас. Он так и сделает, как только мальчик отправится в следующий маггло-аврорский «полицейский» участок. Какаши мог бы вернуться в Эйлшем, знакомый ему городок. Там был небольшой участок. Или даже поехать по указателям в Норвич. Они были уже недалеко. Какаши был умен, он найдет способ. И он расскажет им, что Сириус может превращаться в собаку. Конечно, маглы ему не поверят, но парень был умен, и он найдет способ быть услышанным. Все, что ему нужно, - это ухо одной ведьмы или волшебника и секрет Сириуса, и тогда у него будет больше шансов добраться до Гарри или Хогвартса незамеченным.

Он мог бежать так быстро, как хотел, но знал, что не успеет. Они найдут его. Они будут знать, что искать...

Какаши схватил его за запястья. Сириус вздрогнул от неожиданности. Затем, при малейшей подсечке, Сириус понял. Он отпустил рубашку. Конечно... Грязные руки предателя, убийцы. Кто захочет, чтобы к нему прикасались? Интересно, оставил ли он пятна на шее мальчика? Грязные мазки земли и грязи? Они были бы незаметны на фоне темной ткани маски Какаши, но, тем не менее, они там были.

Ты невиновен.

Он извинился крошечным голоском, притянул к себе руки, а затем попытался распутать узел ткани, которую Какаши повязал ему на шею. Он помнил, что от него пахло мальчиком. Он уткнулся в него, прежде чем заснуть. Напоминание о том, что есть кто-то, кто заботится о нем - если не о нем лично, то о собаке Лохматом. Конечно, это тоже было временно. Теперь он уже не чувствовал запаха мальчика - его человеческий нос не мог его уловить, - и, во всяком случае, доверия мальчика у него больше не было.

Он сумел открыть узел и протянул ткань. Металлическая пластина бесполезно ударилась о его руку. Теперь, когда стемнело, гравировка, которую он лишь мельком увидел на ней, - закрученный знак, похожий на лист, - уже не была видна. Он снова извинился.

«Как ты это делаешь?» - спокойно спросил мальчик... Спокойно, так невероятно спокойно.

Что делать? удивился Сириус. Его голова еще немного опустилась, не понимая вопроса. Бежать из Азкабана? Но мальчик не знал об Азкабане. Убийство? Как он совершил убийство? Или...

«Как ты стал собакой?»

О... это. Конечно, это было бы самым интересным для мальчика. И как он должен объяснить? И сможет ли вообще? Мальчик был маглом, ничего не знал о магии, ему не разрешалось ничего о ней узнавать. Статут секретности...

Плечи Сириуса затряслись в беззвучном смехе. Ну да! Почему бы не нарушить Статут секретности? Он был осужденным убийцей и уже приговорен к пожизненному заключению в Азкабане. Что еще они могут с ним сделать? Поцелуй Дементора? По крайней мере, он получит удовольствие, нарушив закон один раз, прежде чем его снова засунут в его нору на всю оставшуюся жизнь.

«Мне нельзя тебе говорить», - рассмеялся он, его голос граничил с манией. «Это противоречит Статуту, - безумно захихикал он, - Статуту секретности. Какаши». Он впервые произнес это имя. Оно казалось чужим на языке, но, произнеся его, он почувствовал нежность.

Он лишь мельком взглянул на мальчика, не желая видеть осуждение в этом единственном, обычно таком скучающем глазу.

«Я волшебник, Какаши. Магия существует». Он улыбнулся. «Ты можешь в это поверить? Если бы у меня была палочка, я бы тебе показал». Он замолчал.

«Что такое дзютсу?» - спросил мальчик.

Дзюцу? Сириус не знал этого слова, и ему пришло в голову, что Какаши, скорее всего, понял только половину того, что он только что сказал. Он нарушил закон - вы только посмотрите! - а магл, которому он его нарушил, даже не понял его! Внезапно гротескность и безысходность ситуации достигли точки кипения. Он рассмеялся. Громкий и лающий смех, переливающийся через реку и пустые поля за скалами. Оставалось надеяться, что поблизости никого нет - а если? Пусть слышат! Он все равно был обречен. Он даже не успел выбраться из Норфолка - жалко!

Последний раз он так смеялся в день своего ареста.

«Джеймс и Лили! Как вы могли!» Взрыв, кровь, дым и разрушения. На мгновение он пожалел, что наложил щитовые чары только на своё тело, вместо того чтобы попытаться защитить окружающих магглов. Он не думал... Он не думал, что Питер взорвёт всю улицу. Он готовился к дуэли! Дурак! Дурак! Питер, вернись!

Но он не кричал, чтобы его бывший друг вернулся, а смеялся, истерически, маниакально. Тогда он все понял. План Питера. Его гениальность и то, как он недооценил своего друга. Человека, которого он называл другом до этого дня. Подстава. Ловушка, в которую Сириус угодил как дурак. Как слепой идиот. Он все еще смеялся, когда авроры задержали его, когда тащили по коридорам Министерства, когда он ждал в камере час или два, а потом снова аппарировал прямо на побережье. К тому моменту, когда его втолкнули в маленькую утлую лодку так, что закованные в кандалы ноги не смогли уследить за ним, и он упал лицом на жесткую мокрую древесину, его смех перешел в захлебывающиеся рыдания, но это ничего не

изменило.

Прошла почти неделя, прежде чем он осознал, понял и прорвался сквозь отрицание, что Джеймс мертв, что Лили мертва, что Гарри сирота, что Питер предал их и сбежал, что Ремусу скажут, что предателем был Сириус, что он теперь в Азкабане и останется там. Никто не придет, чтобы привести его на суд, провести дальнейшее расследование или хотя бы допрос. Его бросили в камеру, и он останется там до конца своих дней, ненавидимый и забытый, невиновный, но виновный в смерти своих друзей.

По крайней мере, на этот раз. На этот раз он знал, что происходит. На этот раз он знал, когда его затолкают обратно на корабль... Он знал свою судьбу.

Его глаза открылись, и тут...

В них появилось что-то красно-черное, чего он никогда раньше не видел...

Он почувствовал тепло. Тепло, уютно, без боли. Голодные спазмы, от которых он страдал уже много лет, исчезли, оставив после себя лишь оцепеневшую пустоту. Ему было хорошо. Даже паническая истерика прошла. Он чувствовал под собой коротко подстриженную траву, которая щекотала его кожу. Он чувствовал запах цветов так, как обычно мог чувствовать только после превращения в Падфута. В воздухе кружились насекомые, мухи, пчелы и бабочки. Вдалеке слышался лай собак... В этой картине было что-то нереальное. Весна, понял он. Это была сцена весны. Но это был июль!

Сюрреализм... Может, он спит?

Но он знал свои сны. Его сны были темными, холодными и полными отчаяния. В его снах не

было ни лугов, ни пчел, ни бабочек. Ни теплого ветерка в волосах, ни солнечных лучей на коже. Только холодные каменные стены, железные прутья, кандалы, ледяные брызги соленой воды, бури, страх и смерть. Шепот прошлого, мертвые друзья, предатели и ненавистный отказ от живых.

И все же это было похоже на сон. А как же иначе? Это безболезненное, бесстрашное существование, где он не чувствовал ни голода, ни забот, ни отчаяния. Азкабан казался таким далеким.

Была весна! Как это может быть весной?

Такие сны снились ему и раньше. Редко, в самые счастливые дни в Хогвартсе. Ему захотелось обернуться, посмотреть, не ждет ли Джеймс за спиной, не машет ли ему рукой, чтобы он побегал, побегал на свободе, повалялся в цветах. Может быть, Ремус тоже там?

Но когда он повернулся, никого не было.

Может, так и лучше. Ремус лишь холодно осуждал его и Джеймса… Винил ли он и его? Проклинал ли он Сириуса в последние минуты его жизни за то, что тот, как дурак, повелся на уловки Питера? Он покачал головой.

Не думай об этом!

Он не должен вызывать облака. Счастливые сны, помнил он по тем немногим, что были в детстве, были хрупкими… Но сколько бы он ни лежал на свежей траве, согретый солнцем, ни одна туча не приходила.

http://tl.rulate.ru/book/105589/3962609